

©

Колдунова Е.В.
МГИМО (У) МИД РФ

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ИНДО-ТИХООКЕАНСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

За последние несколько лет идеи Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) стали активно циркулировать в политическом и экспертном дискурсе сразу нескольких стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и Индии. Несмотря на их размытый характер, последовательное включение формулировки «Индо-Тихоокеанский регион» во внешнеполитические и стратегические документы Японии, Австралии, Индии и, наконец, США привело, с одной стороны, к ощущению того, что появление ИТР окончательно стало «новой нормальностью», а, с другой стороны, усилило полифонию его трактовок, оценок и критики.

В этом многообразии дискуссий страны ЮВА (в первую очередь – Индонезия), хотя и были среди первых инициаторов воплощения идеи ИТР в практику политико-правового регионального взаимодействия, оказались на периферии процессов конструирования нового региона. При этом для них, как доказывается в представленной статье, новые версии ИТР создают гораздо больше проблем, нежели путей стабилизации региональной ситуации. В этом контексте в статье анализируются основные параметры пяти версий ИТР, а также вызовы, с которыми могут столкнуться страны Ассоциации Юго-Восточной Азии при реализации каждого из них.

Концепции Индо-Тихоокеанского региона

С хронологической точки зрения *индонезийскую версию ИТР*, пожалуй, можно назвать одной из первых в рассматриваемом ряду концепций. Она возникла почти что десятилетие назад как попытка ответа на первые признаки раскола внутри стран АСЕАН по поводу их отношений с экономически растущим Китаем и США, которых многие страны в ЮВА по-прежнему воспринимали в качестве гаранта обеспечения их военно-политической безопасности. Обострение в 2010-2011 гг. ситуации в Южно-Китайском море и начавшийся в данном контексте в 2011 г. американский «разворот в Азию» привели к тому, что к 2012 г. страны АСЕАН впервые столкнулись с серьезными внутренними противоречиями. В резуль-

тате государства-члены АСЕАН впервые за всю историю существования Ассоциации не смогли одобрить совместное коммюнике по итогам саммита в Пномпене в июне 2012 г.¹

Для преодоления возникших проблем в мае 2013 г. тогдашний министр иностранных дел Индонезии Марти Наталегави предложил новый, расширенный вариант Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, который должен был быть заключен между членами АСЕАН и ключевыми диалоговыми партнерами Ассоциации – членами Восточноазиатского саммита (ВАС) – КНР, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией, Новой Зеландией, Россией и США. Такой договор должен был носить название Индо-Тихоокеанского договора о дружбе и сотрудничестве и, по замыслу Наталегави, должен был выполнить три основные задачи: способствовать укреплению доверия в регионе, создать условия для управления территориальными спорами и изменениями, происходящими в регионе в целом². При этом в предложенном проекте подчеркивалась функция именно управления, а не разрешения территориальных споров, в связи с тем, что и сама Ассоциация по сути оставалась именно инструментом управления (причем отнюдь не всегда эффективным), а не разрешения таких споров между своими участниками.

Концептуально подписание нового договора (при том, что все диалоговые партнеры Ассоциации в принципе уже являлись подписантами Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА) было направлено на создание интегрированного региона, международное взаимодействие в рамках которого опиралось бы на лучшие практики АСЕАН. В этом контексте новый договор должен был выполнить функцию «напоминания» и подтверждения, что зафиксированные в Договоре о дружбе и сотрудничестве в ЮВА принципы разделяются и соблюдаются подписантами. Такой исход событий позволил бы сохранить центральную роль Ассоциации (как инициатора нового договора) за счет приведения к общему знаменателю разнородных и разнообразных внешних партнеров АСЕАН. При этом понимание «расширенного» ИТР базировалось бы на международно-правовом документе. Однако идея Марти Наталегави так и не была реализована на практике, в то время как региональная ситуация продолжила развиваться во все более конфликтном ключе.

Индийская концепция ИТР базируется на политике «взгляда на Восток», провозглашенной еще в 1991 г. правительством премьер-министра Нарасимхи Рао. В то время международный контекст

(распад СССР, разочарование в характере развития региональной интеграции в Южной Азии) и внутренняя ситуация (экономический кризис и проблемы обеспечения безопасности на северо-востоке страны) стали причиной комплексного пересмотра внешней политики Индии³. В укреплении экономических связей с АСЕАН и АТР в целом индийское правительство усматривало возможности решения целого ряда своих экономических и политических проблем.

В дальнейшем в условиях сохранявшихся ограничений в своем «собственном» регионе Южной Азии, которые обуславливались сохранением индо-пакистанского конфликта и определенной степенью недоверия к Индии со стороны других менее крупных соседних стран, все более тесное сближение со странами АТР стало шансом для Индии закрепить за собой роль паназиатского игрока. Идея Индо-Тихоокеанского региона, в отличие от концепций Азиатско-Тихоокеанского региона, далеко не всегда учитывающих Индию, делало ее центром международно-политической и экономической динамики огромного пространства (от Африки до Японии), соединяющего АТР и регион Индийского океана.

В экономическом плане оформлению индийской версии ИТР способствовало активное укрепление связей Индии с АСЕАН, Японией и Австралией. Совместные военно-морские учения Индии, Японии и США *Malabar*, проводимые в трехстороннем формате с 2015 г., стали военно-стратегическим дополнением этой конструкции. Однако в наиболее артикулированном виде индийское понимание ИТР было сформулировано лишь в 2018 г. в рамках выступления премьер-министра Нарендры Моди перед участниками Диалога Шангри-ла в Сингапуре. Его лейтмотивом стала необходимость для Индии выстраивать кооперационное взаимодействие со всеми региональными игроками, включая США, Китай, Россию, Японию, страны АСЕАН и тихоокеанские государства с целью сохранения своего экономического динамизма. При этом ключевую роль для взаимодействия в ИТР должны играть нормы международного права, равенство стран, независимо от их масштаба, согласие всех участников, а не доминирование лишь нескольких стран⁴.

Австралийская версия ИТР была сформулирована в «Белой книге по обороне»⁵ Австралии, принятой в 2016 г., и опубликованной годом позже «Белой книге по внешней политике»⁶. Оба документа делали акцент на региональных и глобальных измерениях интересов Австралии. Индо-тихоокеанский регион, географически определяемый как регион Тихого и Индийского океанов, включа-

ющий Северо-Восточную, Юго-Восточную Азию, Индию и США⁷, рассматривался как пространство экономического динамизма, на которое к 2050 г. будет приходиться половина мирового экономического производства⁸. Подобный регион может стать важным источником экономического роста самой Австралии, при условии, что на региональном и глобальном уровне будет поддерживаться такой порядок, который будет обеспечивать реализацию правил свободной торговли, а также в целом «порядок, основанный на правилах» (*rules-based order*). «Порядок, основанный на правилах» подразумевает, в противовес международному праву, набор определенных правил поведения, характерных для поддержания в первую очередь либерального мирового порядка⁹.

Военно-стратегическое измерение австралийской концепции ИТР предполагает, что основные стратегические оборонные интересы Австралии связаны с обеспечением безопасности ее территории, а также поддержанием стабильности в ЮВА, на юге Тихого океана и в целом в расширенном Индо-Тихоокеанском регионе в партнерстве с США и Новой Зеландией. При том, что желаемый для Австралии уровень стабильности и безопасности ИТР не достижим без США¹⁰ и в обозримом будущем США останутся самой богатой и технологически продвинутой страной мира, в регионе наблюдается активный рост американо-китайских противоречий. Торгово-экономические отношения, ранее сдерживавшие эти противоречия, теперь, наоборот, могут их усилить, поскольку по мере экономического роста Китая с его стороны наблюдаются попытки «перестроить» региональные отношения в соответствии со своими собственными интересами¹¹.

Формирование японской концепции «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона связано с повторным приходом к власти в Японии в 2012 г. премьер-министра Синдзо Абэ, хотя идея ИТР фигурировала и в его более ранних выступлениях, в частности, в августе 2007 г. в индийском парламенте. Географически японская версия ИТР включает два континента – экономически растущую Азию и Африку, имеющую потенциал роста, и два океана – свободный и открытый Тихий и Индийский океаны.

Также, как и австралийская версия ИТР, японская концепция изначально обладала существенным нормативным компонентом, подчеркивающим необходимость «поддержания и защиты международного порядка, основанного на правилах и универсальных ценностях, таких как свобода, демократия, уважение фундаментальных

прав человека, и верховенства закона»¹². В то время как экономический подъем Китая и Индии создал для Японии дополнительные источники экономического роста, он также повлек за собой изменение региональной ситуации, генерирующее, по мнению Японии, вызовы таким принципам как свобода навигации и воздушного транзита. Нормативный компонент ИТР также логически продолжал более раннюю стратегическую идею Японии о формировании «дуги свободы и процветания» (*Arc of freedom and prosperity*).

Несмотря на схожую с австралийской версией ИТР нормативную тональность, японская концепция, тем не менее, имеет ряд существенных отличий. Во-первых, речь идет о подлинно трансрегиональном подходе, который позиционирует Японию как страну, нацеленную на широкое взаимодействие не только с США и Австралией, но также с Юго-Восточной Азией, Индией и африканскими странами. В этом плане одним из опорных в концептуальном плане является выступление Синдзо Абэ на 6-й Конференции по африканскому развитию в Кении в августе 2016 г., в ходе которой японский премьер-министр заверил африканских партнеров в том, что Япония рассматривает африканский сегмент ИТР в качестве неотъемлемой части этого нового пространства и считает необходимым активное японское вовлечение в дальнейшее развитие африканских стран с точки зрения улучшения инфраструктуры, окружающей среды, человеческого капитала и делового климата¹³. Во-вторых, в свою версию ИТР Япония включает не только стратегический, но и экономический компонент, ориентированный, как уже было отмечено ранее, на страны Африки, ЮВА, Южной Азии и Тихого океана.

Американская версия ИТР начала оформляться в 2017 г., когда в ноябре на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) Дональд Трамп официально поддержал идею ИТР в качестве опорной для своей внешней политики в регионе¹⁴. В декабре того же года идея ИТР была закреплена в Стратегии национальной безопасности США, определявшей основное региональное противоречие как отражение борьбы «свободного» и «репрессивного» миров¹⁵.

С американской точки зрения региональная конструкция ИТР, включающая пространство от Индии до Японии, должна основываться на двух опорах – «свободе» и «открытости». Первая подразумевает свободу любого государства в регионе с точки зрения возможностей защищать свой суверенитет от внешних посягательств и обеспечивать надлежащее управление (*good governance*)

во внутренней политике. Вторая относится к обеспечению свободы судоходства и воздушного транзита, а также открытой и построенной на принципах взаимности торговли¹⁶. Необходимость трансформации свободной торговли в справедливую торговлю красной нитью проходит через все президентство Д. Трампа и его взаимодействие с КНР и другими странами региона с экспортоориентированной экономикой.

Тем не менее, практически год потребовался на то, чтобы Соединенные Штаты сформулировали более конкретные предложения в области развития экономической составляющей своей концепции ИТР. В июле 2018 г. госсекретарь США Майк Помпео объявил о начале деятельности Индо-Тихоокеанского транзакционного консультационного фонда (*the Indo-Pacific Transaction Advisory Fund, ITAF*) и программы EDGE (*Enhancing Development and Growth through Energy*). Задачей фонда являлось оказание юридической поддержки в ходе заключения контрактов, подразумевающих американские инвестиции в инфраструктурные проекты, реализуемые в ИТР. Целью программы EDGE провозглашалось расширение экспорта американских энергоресурсов в регион с целью укрепления его энергетической безопасности¹⁷. В октябре 2018 г. американский конгресс принял специальный акт (*the Better Utilization of Investments Leading to Development Act*, сокращенно – *BUILD*), нацеленный на удвоение американских финансовых средств (до 60 млн долл. США) на реализацию проектов в ИТР на основе государственно-частного партнерства. Сферы реализации проектов включали развитие инфраструктуры, кибербезопасности и информационной взаимосвязанности азиатских стран с низким и средним уровнями доходов.

Общая оценка концепций

Представленный обзор концепций ИТР позволяет сделать ряд предварительных выводов. В ряду пяти концептуальных обоснований австралийская и американская версии ИТР несут, пожалуй, наиболее ярко выраженный стратегический характер и нацелены на ограничение действий Китая в регионе. При этом, однако, их экономические компоненты (даже на уровне деклараций) существенно отстают от китайской Инициативы пояса и пути с точки зрения возможностей развития для малых и средних стран региона.

Идеологическая составляющая этих версий выражена очень явно, хотя она и не лишена внутренних логических противоречий, в

результате которых, в частности, Китаю удалось превратиться в защитника свободной торговли и экономической либерализации, а США оказались в роли сторонников протекционизма, что явно шло вразрез с политикой предыдущей американской администрации Барака Обамы, предложившей региону мега-проект Транстихоокеанского партнерства, нацеленный на дальнейшую экономическую либерализацию.

Японская версия ИТР также носит отчетливый военно-стратегический характер, но включает и масштабные экономические проекты, ориентированные на все сегменты индо-тихоокеанского пространства. Первоначальный интерес Японии к сдерживанию Китая за счет формирования четырехстороннего военно-политического сотрудничества Японии, США, Индии и Австралии в 2018 г. был нивелирован после встречи премьер-министра Синдзо Абэ с председателем КНР Си Цзиньпином, по итогам которой стороны договорились о разработке совместных проектов в странах ЮВА в рамках китайской Инициативы пояса и пути. При этом в публичном дискурсе идея сдерживания Китая стала активно отрицаться¹⁸.

Из всех представленных выше версий наиболее инклюзивными по духу остаются индийская и индонезийская версии ИТР. Показательно, что Индия намеренно продолжает выступать против подключения Австралии к военно-морским учениям *Malabar* на постоянной основе для того, чтобы их нельзя было рассматривать как антикитайские¹⁹. Тем не менее, слабой стороной обеих версий является отсутствие и у Индии, и у Индонезии экономических возможностей для их продвижения. В результате, наиболее активно Индия говорит о том, что может выступать в качестве источника лучших управленческих практик для своих соседей по региону²⁰, но не инициатора масштабных экономических проектов, а подход, предложенный Марти Наталегавой, оказался маргинализирован под влиянием американо-китайских противоречий и других концепций ИТР.

Вызовы для Юго-Восточной Азии

Концептуальные объяснения ИТР, генерируемые крупными региональными игроками (США, Японией, Австралией, Индией), хотя и объясняют их собственные мотивы и устремления в отношении пространств Тихого и Индийского океанов, тем не менее, оставляют за скобками важный вопрос о том, какое же место занимает в этих конструкциях страны Юго-Восточной Азии – члены

АСЕАН и организаторы регионального институционального сотрудничества. Парадоксальным образом участники четырехстороннего диалога по вопросам безопасности (*Quadrilateral security dialogue, Quad*) – США, Австралия, Индия и Япония – встретились для его возобновления в 2017 г.* на полях саммитов АСЕАН и ВАС в Маниле, однако ни одна из стран АСЕАН не участвовала в этом формате. В версиях ИТР, предложенных участниками четырехстороннего диалога, под вопросом оказывается основной принцип регионального сотрудничества – «центральность АСЕАН», а значит и вся система региональных институтов, так аккуратно и последовательно выстраиваемая Ассоциацией с 1990-х гг. При всем понимании ее условности²¹, эрозия «центральности АСЕАН» означает, что возможности влияния малых и средних стран региона на своих более крупных партнеров будут сокращаться, сама Ассоциация и связанные с ней институты уже не смогут выполнять роль нейтральной площадки для диалога, а, значит, будет утрачен важный инструмент региональной стабилизации.

Еще один вызов для стран ЮВА представляет собой нормативный компонент концепций ИТР. Его сегодняшние варианты оставляют пространство для свободы интерпретаций понятий «суверенитет», «свобода», «открытость» в условиях, когда решения будут приниматься такими крупными державами, как США, Австралия или Япония при том, что уважение суверенитета было закреплено во всех основополагающих документах АСЕАН и имело особое значение для этих стран, которые ранее были лишь объектами колониальных захватов.

Не меньше вопросов вызывает и ориентация основных версий ИТР на объединение под своей эгидой «свободных», то есть демократических стран. На данный момент страны ЮВА в основной своей массе в лучшем случае являются «гибридными» режимами, демонстрирующими в политическом процессе сочетание как демократических, так и авторитарных практик. Так, например, согласно докладу исследовательского подразделения издания «Экономист» (*Economist Intelligence Unit*), ранжирующему страны по так называемому индексу демократии, в 2018 г. Индонезия, Филиппины, Малайзия и Сингапур представляли собой «дефектные демократии»[†],

* Первые попытки его проведения датируются 2007-2008 гг.

† «Дефектные демократии», согласно методологии индекса, представляют собой режимы, обеспечивающие проведение свободных и честных выборов и соблюдение базовых прав человека, однако сталкивающиеся

Таиланд – гибридный режим, Мьянма, Вьетнам, Лаос и Камбоджа – авторитарные режимы²².

На данный момент нет ясного ответа и на вопрос о соизмеримости экономической составляющей ИТР с тем, что предлагает странам ЮВА Китай. Несмотря на то, что китайские проекты в рамках инициативы пояса и пути подвергаются существенной критике, в том числе в ЮВА, как ограничивающие суверенитет других стран или ведущие к их экономической и, в перспективе – политической, зависимости от Китая, экономическая альтернатива ИТР в комплексном виде так и не была определена ни у одной из стран, продвигающих идею нового региона. Одновременно, в связи с явной или подспудной антикитайской направленностью многих версий ИТР, в случае их поддержки странами АСЕАН, Ассоциация столкнется с проблемой антагонизации Китая, основного экономического игрока в регионе и ее ключевого торгового партнера.

Существенной проблемой для стран ЮВА является их внутренняя разобщенность и отсутствие консенсуса в рамках АСЕАН по поводу реакции на ИТР. Первые обобщенные оценки ИТР стали появляться в документах АСЕАН лишь в 2018-2019 гг. Итоговый документ 13-го саммита ВАС, прошедшего в Сингапуре в ноябре 2018 г., содержал формулировку о том, что «сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе должно включать основные принципы, такие как центральность АСЕАН, открытость, транспарентность, инклюзивность, подход, основанный на общих правилах, с целью укрепить взаимное доверие, уважение и выгоду». В марте 2019 г. встреча старших должностных лиц АСЕАН в Чиангмае (Таиланд) одобрила предварительный (пока еще не обнародованный) вариант коллективной концепции ИТР, разделяемой странами АСЕАН.

Однако размытость формулировки, включенной в итоговый документ ВАС, как и данные опроса, проведенного Институтом исследований Юго-Восточной Азии (*ISEAS*) среди политических деятелей, научных, общественных и деловых кругов региона и представленного в издании об основных региональных тенденциях в ЮВА, отчетливо свидетельствуют о неготовности стран АСЕАН

с существенными проблемами в других областях, оцениваемых индексом (государственное управление, политическая культура, политическое участие). Democracy Index 2018: Me Too? Political Participation, Protest, and Democracy [Электронный ресурс]// A Report by The Economist Intelligence Unit. URL: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>, P.51 (дата обращения 06.04.2019).

проективно реагировать на появляющиеся концепции ИТР. Согласно результатам опроса, 42,5% респондентов полагают, что будущее региона неопределенно, а 62% считают, что Юго-Восточная Азия становится ареной соперничества великих держав. На вопрос об оценке идеи Индо-Тихоокеанского региона, предполагавшем возможность множественного выбора ответов, 61% ответили, что концепция не ясна, 25% – что она направлена на сдерживание Китая, 17% – что ИТР подрывает значение АСЕАН и ее роль в региональном порядке, 17% – что это хорошая идея для построения регионального порядка²³.

***

Множественные идеи Индо-Тихоокеанского региона создают для АСЕАН новый концептуальный и практический вызов. Если раньше идея региональной институциональной структуры, централизованной «вокруг АСЕАН» выстраивалась на принципах открытости, исходила из необходимости привлечения к диалогу и социализации всех региональных игроков, невзирая на особенности их внутреннего политического устройства, то теперь Ассоциация сталкивается с необходимостью формулировки новых принципов и собственного понимания Индо-Тихоокеанского региона.

При этом, инициировав в 2013 г. наиболее нормативно нейтральный вариант понимания ИТР, страны АСЕАН на несколько лет оказались на периферии дискуссий о новой региональной конструкции и вернулись к ее обсуждению лишь в 2019 г., когда эти дискуссии вышли на качественно иной уровень и совпали с серьезным углублением региональных противоречий, а отчасти и сами стали причиной этих процессов. Теперь же, перед Ассоциацией стоит нелегкая двуединая задача, заключающаяся в том, чтобы, во-первых, убедить США, Японию, Австралию и Индию, что именно их понимание ИТР в наибольшей степени адекватно сложившейся региональной ситуации, а, во-вторых, уверить Китай и, добавим, Россию в его инклюзивности в гораздо более сложных международных условиях по сравнению с теми, которые существовали, когда Ассоциация только начинала формироваться как центральное звено региональной институциональной структуры.

---

¹ Divided We Stagger [Электронный ресурс]//Economist, 18.08.2012.
URL:<http://www.economist.com/node/21560585> (дата обращения 14.04.2019).

² Indonesia FM Seeks new Asian treaty to curb conflict [Электронный ресурс]// Channel News Asia. 17.05.2013. URL:

<http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/indonesia-fm-seeks-new-asia-treaty-to-cu/677940.html> (дата обращения 26.05.2013).

³ Haokip Th. India's Look East Policy: Its Evolution and Approach// South Asian Survey. 2011. 18 (2). P.239-247.

⁴ Keynote Speech by Shri Narendra Modi, Prime Minister of India [Электронный ресурс]// International Institute of Strategic Studies. URL:

<https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2018> (дата обращения 06.04.2019).

⁵ Defense White Paper 2016 [Электронный ресурс] // Australian Government. Department of Defence. URL: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/docs/2016-defence-white-paper.pdf> (дата обращения 06.04.2019).

⁶ Foreign Policy White Paper [Электронный ресурс] // Australian Government. URL: <https://www.fpwhitepaper.gov.au/> (дата обращения 06.04.2019).

⁷ Ibid, p.1.

⁸ Defense White Paper 2016, p.14.

⁹ Strategic Survey 2018. The Annual Assessment of Geopolitics. Abington: Routledge, 2018. P. 24-25; Робинсон П. Одни понятия, разный смысл [Электронный ресурс]// Россия в глобальной политике. 2 июля 2018 г.

<https://globalaffairs.ru/global-processes/Odni-ponyatiya-raznyi-smysl-19643> (дата обращения 06.04.2019).

¹⁰ Defense White Paper 2016, p.42.

¹¹ Foreign Policy White Paper, p.26

¹² East Asian Strategic Review 2017. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 2017. P.237.

¹³ Diplomatic Bluebook 2017 [Электронный ресурс]// Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL:

<https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03> (дата обращения 06.04.2019).

¹⁴ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam. November 10, 2017 [Электронный ресурс]// The White House. URL:

<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения 06.04.2019).

¹⁵ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. URL:

<http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>. P.45. (дата обращения 06.04.2019).

¹⁶ Pompeo M. Remarks on "America's Indo-Pacific Economic Vision" July 30, 2018 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL:

<https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/07/284722.htm> (дата обращения 06.04.2019).

¹⁷ Advancing a Free and Open Indo-Pacific. Fact Sheet (July 30, 2018) [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL:

<https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/07/284829.htm> (дата обращения 06.04.2019).

¹⁸ Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy is open to all, including China, Tokyo policy forum told [Электронный ресурс] // The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/japans-free-and-open-indo-pacific-strategy-is-open-to-all-including-china-tokyo> (дата обращения 06.04.2019).

¹⁹ Chacko P. Time for thinking the Australia–India relationship afresh [Электронный ресурс] // The East Asia Forum. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/31/time-for-thinking-the-australia-india-relationship-afresh/#more-176311> (дата обращения 06.04.2019).

²⁰ Keynote Speech by Shri Narendra Modi, Prime Minister of India [Электронный ресурс]// International Institute of Strategic Studies. URL: <https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2018> (дата обращения 06.04.2019).

²¹ Acharya A. The Myth of ASEAN Centrality? // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Studies. 2017 (August). Vol39, N.2. P.273-279.

²² Democracy Index 2018, p.26.

²³ The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report. Singapore: ISEAS, 2019. P.4, 12, 25.